

А. Н. Баранов

Д. О. Добровольский

АСПЕКТЫ
ТЕОРИИ
ФРАЗЕОЛОГИИ

STUDIA PHILOLOGICA

ББК 81.2Рус-3
Б 24

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 06-04-16155

Рецензенты:
профессор, доктор филологических наук Л. П. Крысин,
кандидат филологических наук М. Л. Ковшова

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института русского языка РАН им. В. В. Виноградова

Баранов А. Н., Добровольский Д. О.

Б 24 Аспекты теории фразеологии. — М.: Знак, 2008. — 656 с. —
(Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0235-3

В книге рассматриваются фундаментальные проблемы фразеологии: категория идиоматичности и идиомы, специфика фразеологизмов как особой части лексикона, типология фразеологизмов, особенности семантики фразеологизмов и понятие модели значения, связь актуального значения фразеологизма с внутренней формой, способы экспликации внутренней формы в модели значения идиомы, дискурсивное и синтаксическое поведение фразеологизмов, особенности фразеологии различных авторов, связь фразеологии с культурой народа. В качестве теоретической основы используются положения современной лингвистической семантики, теоретической лексикографии и теории дискурса. Кроме того, поднимается ряд новых вопросов, ответы на которые стали возможны только на современном этапе развития науки о языке при обращении к категориям когнитивной науки и когнитивной лингвистики.

Монография адресована как специалистам по фразеологии, лексической семантике и лексикографии, так и студентам-филологам.

ББК 81.2Рус-3

*В оформлении переплета использована картина
Р. Магрита «Империя света» (1954)*

**Анатолий Николаевич Баранов
Дмитрий Олегович Добровольский
АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Издатель А. Кошелев
Зав. редакцией М. Тимофеева
Корректоры О. Курочкина, З. Полосухина. Оператор Е. Зуева
Оригинал-макет подготовила Л. Гогова
Художественное оформление переплета А. Григорьева

Подписано в печать 21.02.2008. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 41. Тираж 800. Заказ №
Издательство «Знак». № госрегистрации 1027701010435.

ISBN 5-9551-0235-3

© Баранов А. Н., Добровольский Д. О., 2008
© Знак, оригинал-макет, 2008

Оглавление

Введение в проблему	9
---------------------------	---

Часть I. Основные категории фразеологии

Глава 1. Идиоматичность и понятие идиомы	27
1.0. Постановка проблемы	27
1.1. Категория идиоматичности и ее составляющие	30
1.2. Устойчивость как лингвистическая категория	50
1.3. Связана ли устойчивость с идиоматичностью?	54
1.4. Категория нерегулярности и принцип экономии	56
1.5. Порог нерегулярности в определении идиомы	58
Глава 2. Элементы типологии фразеологизмов	67
2.1. Идиомы vs. пословицы	68
2.2. Крылатые слова	70
2.3. Грамматическая фразеология	73
2.4. Понятие речевой формулы	78

Часть II. Семантика и синтаксис идиом

Глава 3. План содержания идиом: внутренняя форма как часть семантики	99
3.1. Образность идиом в когнитивно-психологической и лингвистической перспективе	100
3.2. Образная составляющая в семантике идиом: семантические эффекты и способы словарной интерпретации	115
3.3. Знаковые функции вещных сущностей	213
3.4. Внутренняя форма как лингвистический и когнитивный феномен	221
Глава 4. План содержания идиом: Когнитивное моделирование актуального значения идиомы	225
4.1. Постановка задачи	225
4.2. Набор основных когнитивных операций	228
4.3. Когнитивное моделирование актуального значения идиом	240

Глава 5. Национально-культурный аспект фразеологии	251
5.1. Национально-культурная специфика во фразеологии: сопоставительный подход	251
5.2. Национально-культурная специфика во фразеологии: интроспективный подход	272
Глава 6. Идиомы: семантика синтаксиса	289
6.1. Отрицание в идиомах: семантико-синтаксические ограничения	289
6.2. Пассивизация идиом: семантика и синтаксис	323
Часть III. Идиомы и словарь	
Глава 7. Тезаурус идиоматики	363
7.1. К проблеме построения тезауруса русских идиом	363
7.2. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: теоретические основания	377
7.3. Тезаурус как объект семантического исследования: кванторные смыслы в русской идиоматике	399
7.4. «Начало» и «конец» в русской идиоматике	411
Глава 8. Идиомы в толковом словаре	421
8.1. Новый «Русский фразеологический словарь»: основания проекта и направления его реализации	421
8.2. Регулярная многозначность в сфере идиоматики	454
Часть IV. Идиомы в дискурсе	
Глава 9. Семантика идиом и коммуникативное намерение	475
9.1. Постановка проблемы и материал исследования	475
9.2. Роль метафоры в организации текстов дискурса примирения	480
9.3. Дискурсивные свойства идиом и метафор и их словарное представление	489
Глава 10. Авторская идиоматика	495
10.1. Авторская идиома: к определению понятия	495
10.2. Идиомы в произведениях Ф. М. Достоевского	505
10.3. Слово Достоевского: <i>по крайней мере</i> как «ограничитель» силы пропозиции	521
10.4. Фразеология в «Пиковой даме» Пушкина	529
Глава 11. Дискурсивные, стилистические и временные характеристики идиом	551

Заключение	567
Список использованных сокращений	572
Библиография	574
Указатель языковых форм	609
Предметный указатель	638
Именной указатель	653

Глава 1

Идиоматичность и понятие идиомы¹

1.0. Постановка проблемы

Общепринятого определения идиомы, разделяемого лингвистами различных школ, не существует. Задача этой главы — сформулировать определение идиомы, основанное на относительно операциональных критериях, позволяющих с достаточной степенью надежности отделять идиомы от фразеологизмов других классов. В идеальном случае такое определение должно отвечать интуиции носителя языка или по крайней мере не противоречить ей. Проблемы определения понятия идиомы и идиоматичности обсуждались нами ранее в работах [Баранов, Добровольский 1991; 1996б; 2005а]. Здесь сформулированные ранее положения развиваются и существенно уточняются. Значительно расширен и состав языковых примеров, иллюстрирующих проявления идиоматичности.

Сфера идиоматики в разных теоретических концепциях задается по-разному. Тем не менее, можно выделить общую часть большинства определений идиомы, которая сводится к трем основным идеям: **неоднословность**, **устойчивость** и **идиоматичность** [Гак 1977; Burger et al. 1982; Fleischer 1997]. Поскольку вряд ли можно утверждать, что имеющиеся определения хорошо «работают» на всем множестве идиом, естественно задаться вопросом о том, что представляют собой входящие в определения категории. Однословность-неоднословность можно считать единственным относительно ясным и операциональным понятием, хотя и здесь возникают проблемы, связанные с наличием-отсутствием орфографической традиции, различением слов

¹ Данная глава представляет собой существенно уточненный и расширенный вариант статьи [Баранов, Добровольский 1996б].

и словосочетаний, слов и предложений в данном морфологическом типе языка и т. п.² Существенно менее определенной оказывается категория устойчивости — ср., например, [Мельчук 1960; 1968], — к которой мы еще вернемся в ходе дальнейшего изложения.

Наибольшие вопросы вызывает понятие идиоматичности. С наивной точки зрения выражения типа *Он говорит идиоматично*, *Его речь идиоматична*, как правило, не связываются с употреблением идиом. Обычно имеется в виду высокий уровень владения языком: говорящий не просто способен правильно выражать свои мысли, но и передавать их нетривиальным способом, используя не только конвенциональные, но и творческие метафоры, не вполне стандартные сочетания означающих и т. п. Идиоматичная речь требует знания таких правил речевого поведения, которые могут оказаться уникальными, применимыми только в данном типе ситуации общения. Иными словами, идиоматичность в общем случае означает осложненность способа выражения содержания — осложненность не в смысле максимального усложнения языковых форм как таковых, а «концентрированности» выражения и нетривиальности понимания. Идиоматичность речи часто приводит к большей синтаксической простоте при большей семантической нагруженности отдельных компонентов высказывания. Ср. *В зале было настолько много людей, что не было ни одного свободного места и Зал был битком набит*; *Роман долго добивался от меня согласия на свои предложения, что вызвало у меня крайне отрицательную реакцию и Роман достал меня своими предложениями*.

Косвенные речевые акты более идиоматичны, чем прямые не в смысле синтаксической простоты и семантической усложненности, а в том смысле, что для их понимания требуются дополнительные мыс-

² На статус выражения как словосочетания или отдельного слова оказывает существенное влияние и орфографическая традиция. Например, выражения типа *[друзья] не разлей вода*, согласно последним орфографическим веяниям, пишутся вместе (*неразлейвода* [РОС]), что формально исключает их из сферы идиоматики. В ряде случаев влияние орфографической моды имеет смысл игнорировать, рассматривая соответствующие выражения в составе идиоматики. Интересно, что в немецком языке последняя орфографическая реформа привела к существенному увеличению количества фразеологизмов, поскольку многие слова, писавшиеся слитно, должны сейчас писаться отдельно. Еще более сложная ситуация в китайском языке, где категория слова и категория морфемы фактически совпадают, при этом класс фразеологизмов все равно выделяется.

лительные операции — отсюда нетривиальность понимания. Ср. *Закрой окно!* vs. *Что-то стало прохладно!*; *Вам пора уходить!* vs. *Уже поздно, а вам завтра на работу*. В случае использования косвенного речевого акта адресат должен проделать дополнительные операции для «вычисления» смысла речевого высказывания по сравнению с «прямым» речевым актом, в частности, осознать, что за речевым высказыванием *Что-то стало прохладно!* стоит не описание ситуации, а просьба закрыть окно, а речевой акт *Уже поздно, а вам завтра на работу* выражает не заботу говорящего о собеседнике, а желание поскорее от него избавиться.

Идиоматичным будет также такой текст, который содержит значительную имплицитную информацию — пресуппозиции, следствия, имплициты дискурса, намеки, аллюзии и т. п. Существенно усиливает идиоматичность в наивном понимании и наличие языковой игры. Иными словами, чем больше смысловых слоев в плане содержания текста, тем более он идиоматичен.

Несколько иное понимание идиоматичности представлено в [Апресян 1995б], где идиоматичность связывается с выполнением сложившихся в данном языке норм «синтаксической, семантической и лексической сочетаемости» [Апресян 1995б: 11]. Заметим, однако, что в этом случае происходит существенное расширение категории идиоматичности и ее практическое отождествление с категорией нормы. Среди названных Ю. Д. Апресяном факторов к идиоматичности в нашем понимании относится только выполнение «трудно мотивируемых норм» [Там же], в частности, следование правилам лексической сочетаемости, не выводящимся из толкования (или не описываемым в терминах семантических классов), то есть не мотивируемым семантически. Иными словами, выражение *проливной дождь* идиоматично, а *сильный дождь* — нет, поскольку первое лексически связано, а второе порождается по регулярным правилам семантической сочетаемости.

Понятно, что использование идиом оказывается лишь одним из проявлений идиоматичности. Идиоматичность, будучи более общей категорией, лежащей в основе определения идиомы, требует специального рассмотрения. Заметим, что совпадение корней в терминах «идиома» и «идиоматичность» является чисто случайным, внешним фактором и никоим образом не создает порочного круга. В принципе вместо термина «идиома» можно использовать словосочетание «фразаологизм в узком смысле».

1.1. Категория идиоматичности и ее составляющие

Различных определений идиоматичности довольно много, и вряд ли имеет смысл их последовательно перечислять (см. подробное обсуждение имеющихся определений, например, в [Makkai 1978; Dobrovolskij, Piirainen 2005]). Мы можем, однако, утверждать, что все они сводятся к трем базовым идеям (факторам) — **переинтерпретации, непрозрачности и усложнению способа указания на денотат**. Дадим им свои определения.

(i) Переинтерпретация значения ‘А’ выражения *A* как значения ‘В’ — это операция, приводящая к трансформации ‘А’ в ‘В’ по принципу **R**.

Иными словами, некоторое выражение, у которого есть прямое значение, понимается в переносном, причем переносное значение связано с прямым некоторым отношением, правилом. Чаще всего в этой функции выступают тропеические преобразования. Например, нос в высказывании *Он почесал нос* и *Он стоял на носу корабля* — это и есть выражение *A*, которое в первом случае интерпретируется как ‘А’, а во втором — как ‘В’. В качестве отношения **R** в этом случае выступает метафора. Из этого примера видно, что переинтерпретация как составляющая идиоматичности не ограничивается идиомами, а характеризует семантическую деривацию любого вида.

(ii) Непрозрачность выражения *A* — это такое свойство этого выражения, которое препятствует «вычислению» значения ‘А’ из-за отсутствия правила, позволяющего выявить значение ‘А’, или из-за отсутствия одного или нескольких компонентов выражения *A* в словаре³.

Здесь имеются в виду два класса случаев: 1) переинтерпретации, которые невозможно восстановить на синхронном уровне без обращения к этимологии (ср. *дуба дать* в значении ‘умереть’) и 2) наличие в выражении уникальных компонентов, значение которых никак не восстанавливается носителем языка (слово *заговен* в идиоме *до*

³ Под словарем здесь подразумевается категория, противопоставленная грамматике, а не конкретный лексикографический источник.

морковкиных заговен, *охулки* в выражении *охулки на руку не класть*). Часто эти случаи совмещаются, ср. выражение *до морковкиных заговен*, в котором форма *морковкиных* переинтерпретирована так, что это непонятно современному носителю русского языка, а форма *заговен* — уникальна. Именно поэтому рассматриваемые случаи естественно объединить в одной категории.

(iii) Усложнение способа указания на денотат — это любое выражение, которое существует в языке наряду с более простым и стандартным наименованием той же сущности.

В обычном случае в языке действует принцип иконичности, согласно которому более сложное по форме выражение и семантически устроено более сложно (см. обсуждение проблем иконичности в контексте когнитивной теории метафоры в [Лакофф, Джонсон 2004: 158 и далее]). Ср., например, *опоздать* vs. *прийти к шапочному разбору*; *обманывать* vs. *вешать лапшу на уши*; *Москва* vs. *Третий Рим*; *Америка* vs. *Новый Свет*.

Таким образом, выражение *пускать козла в огород* идиоматично по основанию (i) — принципом **Р** в данном случае оказывается механизм метафоризации: ситуация неоправданного и неразумного допущения к ресурсу некоторого лица «кодируется» с помощью метафоры КОЗЕЛ В ОГОРОДЕ. Выражение *ничтоже сумняшеся* идиоматично по основанию (ii)⁴. Дело в том, что в современном русском языке отсутствуют как самостоятельные слова лексемы *ничтоже* и *сумняшеся*. Таким образом, это выражение идиоматично из-за отсутствия его компонентов в словаре. В случае идиом *выписывать мыслете* или *точить лясы* непрозрачность связана с «несловарностью», соответственно, одного из компонентов: *мыслете* и *лясы*.

С другой стороны, фразеологизм *наговорить сорок бочек [арестантов]* (кому-л.) не обнаруживает уникальных компонентов. Тем не менее, он идиоматичен из-за своей непрозрачности (по основанию ii), поскольку в современном языке невозможно вычислить значение этой идиомы по ее отдельным компонентам: нет правила, позволяющего

⁴ На самом деле ситуация несколько более сложна: выражения, которым свойственна переинтерпретация, могут обладать и определенной долей непрозрачности (см. ниже).

расшифровать непонятную метафору, которая, видимо, когда-то была мотивирована.

Свойство непрозрачности прямо связано со знаниями адресата — как индивидуальными, так и общими для языкового социума. Только второй тип знаний существенен для дальнейших рассуждений⁵. Непрозрачность, как следует из определения, может быть обусловлена двумя совершенно различными факторами. С одной стороны, речь идет о том, что вывод значения целого из значения его составляющих по стандартным правилам семантической сочетаемости затруднен, а с другой стороны — об отсутствии в словаре информации о значении одного или нескольких компонентов соответствующего выражения.

Можно сказать, что переинтерпретация — это взгляд на идиоматическое выражение с точки зрения его порождения, а непрозрачность — с точки зрения его понимания. Именно поэтому они в ряде случаев пересекаются (см. 1.1.2). Разумеется, речь идет о выражениях типа *дать дуба*, а не об идиомах типа *ничтоже сумняшеся*, которые изначально не имели ничего общего с категорией интерпретации, поскольку представляют собой устаревшие грамматические формы слов, употребленных в прямом значении.

Что касается третьего фактора идиоматичности — усложнения способа указания на денотат, то он также может реализоваться как сам по себе, так и в сочетании с другими факторами. Идиома *иметь место быть* идиоматична лишь по этому основанию (см. более подробное обсуждение данной проблемы в разделе 1.1.3.1), поскольку имеются два более простых и стандартных способа высказать ту же самую мысль: *иметь место* или *быть*. А идиомы *арапа заправлять* и *забивать баки*, являясь несомненно более сложным способом указания на денотат (ср. *лгать*, *обманывать*), одновременно семантически переинтерпретированы и непрозрачны. Усложнение не всегда следует принципу иконичности: содержательно более сложным может оказаться и однословное по сравнению с двухсловным. Так, выражение *знак зап-*

⁵ Термин «непрозрачность» в ином значении используется в логической семантике в связи с невозможностью определения истинностного значения некоторых пропозициональных компонентов высказывания [Quine 1976]. Аналогия с используемым здесь употреблением несомненно есть, однако в нашем случае бессмысленно говорить об истинностном значении. Аналогия, скорее, касается невозможности выявления каких-то семантических свойств компонентов языкового выражения.

рета семантически проще, чем слово *кирпич* (в соответствующем значении), поскольку в последнем явно присутствует внутренняя форма.

Еще раз подчеркнем, что выделенные факторы идиоматичности характеризуют не только фразеологию, но и язык в целом, т. е. и другие типы выражений естественного языка. Так, большинство живых метафор усложнены и переинтерпретированы; ср. метафору *голова раскалывается* и неметафорическое выражение *голова болит* или нейтральное выражение *противоречия в законодательстве* и его метафорический коррелят *война законов*. Что касается фактора непрозрачности, то и его действие, естественно, не ограничивается сферой фразеологии. Многие стертые метафоры, стоящие за лексическими значениями, непрозрачны и в этом смысле идиоматичны, ср. *рехнуться* (в смысле ‘потерять рассудок’), *перекинуться* (в смысле ‘умереть’).

Рассмотрим последовательно виды переинтерпретации, непрозрачности и усложнения.

1.1.1. Категория переинтерпретации

1.1.1.1. Переинтерпретация в точном смысле: *A* & ‘*A*’ & «*A*» → *A* & ‘*B*’ & «*B*». Имеется в виду, что выражение *A* со значением ‘*A*’ и экстенсионалом (соответствующей ему ситуацией) «*A*» переинтерпретируется таким образом, что получает значение ‘*B*’, соотносящееся с ситуацией «*B*»⁶. Типичный случай переинтерпретации такого рода — идиома *театр абсурда* ‘ситуация, в которой с точки зрения говорящего нарушаются базовые принципы наивной логики’. Эта идиома возникла в результате переосмысления терминологического словосочетания *театр абсурда*, относящегося к сфере драматургии. Иными словами, выражение *A* — в данном случае *театр абсурда* — в значении ‘специальный жанр драматургии’ (то есть ‘*A*’), относящееся к классу ситуаций «*A*» (примеры пьес рассматриваемого жанра) было переосмыслено в другом значении — ‘ситуация, в которой с точки зрения говорящего нарушаются базовые принципы наивной логики’ (значение ‘*B*’), относящееся к классу ситуаций «*B*». К типу собственно пе-

⁶ Приводимые в данном разделе схемы, конечно, существенно упрощены, так, в данной схеме следовало бы указать условия употребления *A* (синтактику), а также разделить *A* на компоненты (каждый со своим исходным значением и условиями употребления). Здесь и далее в схеме указываются лишь те компоненты, которые существенны для обсуждаемого аспекта идиоматичности.

реинтерпретаций относятся также идиомы *под дулом автомата*, *верхушка айсберга*, *открыть Америку*, *окончен бал*, *банка с пауками*, *перевернуть вверх дном (что-л.)*, *вылить ведро помоев (на кого-л.)*, *охота на ведьм*, *лакмусовая бумажка*, *ходить на задних лапках (перед кем-л.)*, *брать быка за рога*; англ. *to throw in the towel/sponge*, [*to be caught*] *between a rock and a hard place*, *to have cold feet*; нем. *auf eigenen Beinen stehen*, (jmdm.) *platzt der Kragen*, *sich in die Haare geraten*, (jmdn.) *aufs Kreuz legen*, (jmdn.) *hinters Licht führen*, [*sich*] *kein Blatt vor den Mund nehmen*, *den Nagel auf den Kopf treffen*. Если говорить о сфере лексики в целом, то к этому типу идиоматичности относится широкий класс употреблений слов в непрямых значениях, в частности метафоры, метонимии и пр.

1.1.1.2. Интенциональная переинтерпретация: А & ‘А’ & «Ø» → А & ‘В’ & «В». В отличие от предшествующего случая, при интенциональной переинтерпретации экстенционал исходного выражения отсутствует. Примером такого рода является идиома *буря в стакане воды* ‘ситуация, в которой одно или несколько лиц выражают недовольство чем-л. значимым с их точки зрения; последнее оценивается говорящим с позиций более общего взгляда на мир как малозначимое’. Экстенционал выражения *буря в стакане воды* в буквальном прочтении отсутствует, поскольку слово *буря* в прямом значении не сочетается с именами малых объемов и пространств. К этому классу переинтерпретаций относятся также выражения типа *адская машина* (в значении ‘бомба’), *глаз-алмаз*, *показать небо в алмазах (кому-л.)*, *ходячий анекдот*, *кровавая баня*, *лезть в бутылку*; англ. *to send someone away with a flea in his/her ear*; нем. *Haare auf den Zähnen haben*, *die Beine in die Hand nehmen*, *Bauklötze staunen*, (jmdm.) *einen Bären aufbinden*; *lügen, dass sich die Balken biegen*. Для последней идиомы можно было бы считать экстенционалом ситуации типа *Муравей залез в бутылку*, однако в этом случае изменяется размерность, обычно соотносимая в естественном языке с человеческим телом (ср. многочисленные работы по антропоцентризму языковой семантики — *human sized semantics*, *bodily based experience*).

На грани интенциональной переинтерпретации находятся случаи, когда интенционал без знаний этимологии оказывается непрозрачным, ср. *заливать/забивать баки*: *И мне, конечно, обидно за честных коммунистов, особенно людей пожилого возраста, которым забивают*

баки [Корпус Публ.]; — Ты же ведь чердачник, Копченый, а не мокрушник, поэтому, пока не поздно, колись — где взял золотой браслет? И если ты надумаешь мне **забивать баки**, то про наш предстоящий разговор я тебе все объяснил... (Братья Вайнеры. Эра милосердия). Во всех этих примерах «буквальное» значение затемнено. Тем самым можно говорить о комбинации переинтерпретации и непрозрачности (см. 1.1.2) — двух основных аспектов идиоматичности.

1.1.1.3. Покомпонентная переинтерпретация: $(a_1 \& 'a_1' + \dots + a_k \& 'a_k' + a_n \& 'a_n') \rightarrow A = (a_1 \& 'b_1', \dots, a_k \& 'b_k', a_n \& 'b_n')$. Под покомпонентной переинтерпретацией понимается способ образования идиом, который не предполагает тропеического переноса значения некоторого словосочетания, а «собирает» идиому из отдельных переинтерпретируемых слов. По этой модели часто возникают идиомы, основанные на конвенциализации языковой игры. Так, фразеологизм *отставной козы барабанищик* не имеет прямого значения (и в смысле экстенционала, и в смысле интенционала), он возник в результате переинтерпретации отдельных компонентов, каждый из которых может быть понят как указание на низкий социальный статус. Ср. *«Ты настоящих сумасшедших-то видела?» — спросил поддатый старикан, лежащий по поводу геморроя, молоденькую студентку-практикантку. В палате засмеялись. «Ну я же не психиатр», — смущенно ответствовала та. «То-то, — с пьяным удовлетворением констатировал старикан, — нечем крыть, хоть ты и без пяти минут доктор, а я **отставной козы барабанищик!**»* [Корпус РусПроз.] В этом случае мы все равно имеем дело с переинтерпретацией целого, так как ни один из компонентов идиомы не коррелирует с прямым значением соответствующего слова (ср. в противоположность этому пункт 1.1.1.4). Ср. также идиомы *не пришей кобыле хвост*, *десятая вода на киселе*: *Были, конечно, и математики, и физики, но гуманитариев и естественников было больше, один только я затесался меж ними как **не пришей кобыле хвост**, будущий животновод из сельскохозяйственной академии* (А. Лукьянов. Палка); *Вы состояли в родственных отношениях с Кривошеиным, в каких именно? — В отдаленных, — неловко усмехнулся студент. — Так, **седьмая вода на киселе*** [Корпус РусПроз.].

В некоторых теориях фразеологии этим и предшествующим классами фактически исчерпывалась категория идиом, ср. [Heller 1980].

1.1.1.4. Переинтерпретация целого vs. части. Переинтерпретация может относиться не только к целому выражению, но и к его компонентам (одному или нескольким). Первый случай в виде формулы представлен в пунктах 1.1.1.1, 1.1.1.2 и 1.1.1.3. Типичный случай переинтерпретации компонента — идиома *раздавить бутылку* в значении ‘выпить бутылку спиртного’ (ср. примеры типа *День космонавтики по-настоящему гульнули только те двое, что сейчас на станции «Мир». Верные источники донесли, там они даже раздавили пущырь* [Корпус Публ.]; *В известном анекдоте про двенадцатиголового Змея Горыныча просыпаются две головы и говорят: давай, пока другие спят, бутылку раздавим. Тут третья голова открывает глаза: конечно, говорит, как пить — так по отдельности, а блевать — все вместе...* [ХудТексты Инт.]). Словоформа *бутылку* сохраняет в этой идиоме свое значение (возникшее в результате регулярного метонимического преобразования: *бутылка* ‘сосуд’ → ‘содержимое сосуда’) и не участвует в процессе переинтерпретации. Иными словами, вряд ли можно сказать, что обсуждаемая идиома возникла как результат переинтерпретации значения словосочетания *раздавить бутылку* в прямом смысле (ср. *В этой жуткой давке мне наступили на сумку и раздавили бутылку*). Более правильно было бы описать это так: $(a_1 \& 'a_1' + \dots + a_k \& 'a_k' + a_n \& 'a_n') \rightarrow A = (a_1 \& 'a_1', \dots, a_k \& 'b', a_n \& 'a_n')$. В первой части приведенной формулы имеются в виду отдельные слова с их автономными прямыми значениями, а во второй — единое выражение *A*, состоящее из ряда компонентов, некоторые из которых сохраняют свое прямое значение ($a_1 \& 'a_1'$), а другие переинтерпретированы ($a_k \& 'a_k' \rightarrow a_k \& 'b'$). Ср. понятие «частичные идиомы» (Teilidiome) в концепции Х. Бургера [Burger 1998: 36—40].

К этой же группе идиом относятся и выражения типа *важная птица, вернемся к нашим баранам*⁷, *по пьяной лавочке*.

1.1.1.5. Референциальная переинтерпретация: $A \& 'A' \& \langle A \rangle \rightarrow A \& 'A' \& \langle a_k \rangle$, где a_k является элементом множества $\{\langle A \rangle\}$. Под классом референциальных переинтерпретаций понимаются те случаи, когда у языкового выражения происходит сужение референции, в пер-

⁷ С синхронной точки зрения эта идиома может рассматриваться как переинтерпретация компонента *баранам*, хотя этимологически — это калька с французской идиомы *revenons à nos moutons*.

вую очередь закрепление референции за единичным денотатом. Единичность и уникальность денотата отражена в схеме строчной буквой **а**. Ср. следующие примеры:

гений всех времен и народов — Наш «*гений всех времен и народов*» так прополол страну, что и столетие пройдет, а не забудется (Г. Бакланов. Разное);

лучший друг [советских] физкультурников — На фото — футбольный матч. Стадион украшает громадное приветствие *Лучшему другу физкультурников*. Ну, кто им был, догадаться несложно [Корпус Публ.];

лучший друг [всех] пожарников — Было и смешно, и грустно. Он знал, что я ненастоящий Сталин, но все равно испугался. Вот какова сила искусства. И страха перед *лучшим другом всех пожарников* [Корпус Публ.];

самый человечный человек — После захвата власти большевиками в октябре 1917 года «*самый человечный человек*» не гнушался лично подписывать приказы и отдавать распоряжения о ликвидации тысяч и тысяч своих сограждан [Корпус Публ.];

матерый человеиче — Отсюда стартует долгая дорога Софьи Андреевны, закончившаяся под замерзшими окнами дома на станции Астапово, где *Матерый Человеиче*, Зеркало Русской Революции закончил свое существование в ноябре 1910 года [Публ. Инт.];

ум, честь и совесть нашей эпохи — Партбилет, как и в позабытые времена, становится пропуском в начальственное кресло. Обладатели новых корочек по-прежнему олицетворяют *ум, честь и совесть нашей эпохи* [Корпус Публ.];

Северная Пальмира — Инициатива губернатора *Северной Пальмиры* о придании Санкт-Петербургу статуса культурной столицы стала основным предметом споров во время президентского визита [Корпус Публ.].

Еще раз обратим внимание на то, что совсем не обязательно считать приведенные словосочетания идиомами. Важно, что им присуща определенная степень идиоматичности.

В зависимости от типа денотата референциальная переинтерпретация может приводить к единичности и уникальности (см. выше), а также к спецификации, не порождающей уникальности. Таковы случаи сужения референции типа *светлое будущее*, когда значение интерпретируется в рамках конкретной идеологической концепции, то есть *светлое будущее* осмысливается исключительно как 'коммунизм': *Мать*,

инвалид детства, обманув медкомиссию, добровольцем прошла войну от Сталинграда до Вены. Потом, убрав в комод ордена и медали, со всей страной строила **светлое будущее** [Корпус Публ.]. В рамках идеи прогресса **светлое будущее** может пониматься более широко, теряя при этом статус идиоматического выражения. Здесь же могут рассматриваться примеры типа *маленький человек* (*Двести лет назад обращение к **маленькому человеку** и обыденному событию было открытием, поворотом, актом справедливости* [Корпус Публ.]), отсылающие к определенной литературоведческой и культурной традиции.

Процесс референциальной переинтерпретации характерен и для образования терминов. Ср. словосочетания типа *новая история, гражданское право, компонентный анализ, формальная логика* и др. Иными словами, термин *новая история* вовсе не означает какой-то истории, которая случилась относительно недавно, а относится к достаточно строго фиксированному временному периоду и противопоставлен *новейшей истории, древней истории, истории Средних веков* и пр. *Гражданское право* — это не право гражданина, а соответствующий раздел юриспруденции. Аналогично *компонентный анализ* — это не любой анализ по компонентам, составляющим, а конкретное направление в семантике. *Формальная логика* — это не логика, учитывающая форму, а логика, построенная на определенных в данной сфере принципах.

1.1.1.6. Переинтерпретация грамматических характеристик:
 $(a_1 \& c_1 + \dots + a_k \& c_k + a_n \& c_n) \rightarrow A = (a_1 \& c_1, \dots, a_k \& c_q, a_n \& c_n)$.
 Схематично этот случай описывается как изменение грамматических характеристик (**с**) одного из компонентов целого — $a_k (c_k \rightarrow c_q)$, где **q** не равно **k**), приводящее к тому, что компонент a_k , входящий в состав выражения, меняет свою категориальную принадлежность, ср. *быть/держаться... вась-вась* (*с кем-л.*), *надеяться на авось, не ах* [как], *не ахти* [какой/как...], *на ты* (*с кем-л./чем-л.*), *без(о) всяких но, стоять... на атасе*, нем. [ohne] *Wenn und Aber*. Так, в идиоме *надеяться на авось* частица *авось* ведет себя как существительное. Компонент *вась-вась* в идиоме *быть/держаться... вась-вась* (*с кем-л.*) соотносится с обращением *Вась!*, форма которого предполагает социальную близость коммуникантов, что во внутренней форме отражается «двойным» *Вась*, указывающим на то, что оба коммуниканта обращаются друг к другу неформально. В идиоме этот компонент получает статус наречия. Форма *стоять... на атасе* соотносится с междометием *атас*, получающим характеристики существительного. Ср. следующие примеры:

быть/держаться... вась-вась (с кем-л.) — Бывший немецкий подлипала вскоре и здесь *стал вась-вась* со всей лагобслужбой и слишком часто спал в рабочее время, если только не распевал перед своими покровителями. Поймать с поличным участников этого альянса постепенно превратилось у начальника в навязчивое стремление [Публ. Инт.];

надеяться на авось — Экономическая политика территорий должна быть современной и грамотной. Как, например, в Москве, Новгородской, Новосибирской и многих других областях и республиках. А там, где *надеются на авось* или на силу московских связей, совершают большую ошибку [Корпус Публ.];

не ах [как] — До начала предвыборной кампании они были друзьями. И когда Козлов стал мэром, в дружеской беседе они ему часто говорили, что администрирует он *не ах как*, что хорошо бы вместо выделения земельных участков налево-направо заняться отоплением жилых домов [Корпус Публ.];

не ахти [какой/как...] — Ситуация осложнялась еще и тем, что в районе взлетно-посадочной полосы дул резкий боковой ветер, да и вообще погода была *не ахти*. Истребитель сопровождения «потерял» на какое-то время «Буран» на подлете к полосе [Корпус Публ.];

стоять... на атасе — К вечеру подъезжает Сапог с двумя амбалами, один, кажется, Мозоль, а второго я не знаю. Машину на углу оставили, осмотрелись, Сапог с Мозолем в подъезд зашли, третий *на атасе остался* [Корпус Детект.].

1.1.1.7. Идиоматичность цитации: $A \ \& \ 'A' \rightarrow A \ \& \ 'B' \rightarrow A^* \ \& \ 'B'^*$ ⁸. Еще один вид переинтерпретации — идиоматичность цитации. В этих случаях некоторое выражение, образованное на базе другого выражения (например, идиома, образованная на базе пословицы), отсылает к семантике исходного выражения. Таким образом, одновременно актуализуются два слоя в плане содержания, и это обеспечивает идиоматичность результирующего выражения. Ср. идиому *сесть не в свои сани*, восходящую к пословице *не в свои сани не садись*. Процесс образования данного выражения можно представить в два этапа. На первом этапе из выражения с буквальным значением *Не в свои сани не садись!* ($A \ \& \ 'A'$), обращенного к конкретному лицу, возникает пословица с обобщенным значением 'нехорошо заниматься не своим

⁸ A^* частично совпадает с A по форме. ' B^* ' частично совпадает с ' B ' по семантике. Впрочем, в каких-то случаях совпадение может быть и полным.

делом' (*A* & '*B*'). На втором этапе из этой пословицы в процессе редукции формируется идиома *сесть не в свои сани* (*A** & '*B**'). По той же модели возникает идиоматичность у выражений типа *на блюдечке с голубой каемочкой* (его можно представить как результат редукции и частичной модификации высказывания *Сам принесет деньги на блюдечке с голубой каемкой?* из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок»); *ключ от квартиры, где деньги лежат* (редукция и модификация цитаты из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» *Может быть, вам дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?*).

Несколько иную природу имеют идиоматические выражения типа *объять необъятное*. Последнее возникло на основе афоризма Козьмы Пруtkова *нельзя объять необъятное* и воспринимается как цитация. В отличие от предшествующего случая здесь трудно говорить о семантической переинтерпретации исходного выражения на первом этапе, поскольку фраза *нельзя объять необъятное* не столько была переинтерпретирована Козьмой Пруtkовым, сколько получила статус литературного и культурного феномена, будучи введенной в оригинальную систему постулатов фиктивного автора.

Особый случай представляют собой идиомы типа *человек в футляре*. Последняя возникла не как результат редукции и модификации, а, скорее, представляет собой интертекстуальную отсылку к соответствующему персонажу рассказа А. П. Чехова.

1.1.1.8. Псевдоисчерпание: a_1 & ' a_1 ' + ... + a_n & ' a_n ' $\rightarrow A = ((a_1$ & ' a_1 ', ... , a_n & ' a_n ') & (' b_1 ', ... , ' b_n '). Псевдоисчерпание характеризует идиомы типа *ни сват ни брат*; *ни кола ни двора*. Процедура псевдоисчерпания основывается на том, что перечисляются некоторые элементы какого-то общего множества, которые не исчерпывают его, но интерпретируются как если бы все элементы множества были реально перечислены (в схеме дополнительные элементы множества обозначены рядом ' b_1 ', ... , ' b_n '). Так, в идиоме *ни сват ни брат* актуальное значение 'человек, в отношении которого говорящий не имеет никаких обязательств, затрагивающих личную сферу самого говорящего' не исчерпывается отношениями *быть сватом* и *быть братом*. Аналогично идиома *ни кола ни двора*, по крайней мере с синхронной точки зрения, не исчерпывает потенциальных объектов владения. В выборе элементов, представляющих соответствующее общее множество, может участвовать фактор осложнения формы (рифмирование, звуковое подобие и т. п. — подробнее см. ниже). Дан-

ный способ идиоматического кодирования смысла используется и в других языках и не обязательно привязан к собственно идиомам. Так, в китайском слове *дасяо* (大小) ‘размер’ семантика передается двумя морфемами *да* со значением ‘большой’ и *сяо* со значением ‘маленький’, то есть сфера размера обозначается двумя крайними точками — экстремумами.

Близки к псевдоисчерпанию случаи типа *вынь да положь* и *выкрасить и выбросить*. Здесь для указания на смысл используется перечисление действий, возможных в соответствующей ситуации. Так, например, настойчивое требование в идиоме *вынь да положь* передается последовательностью действий, характерных для ситуации требования определенного типа. Идея невозможности использования чего-либо выражается в идиоме *выкрасить и выбросить* за счет опущения срединного компонента в стандартной последовательности действий (нечто вроде «выкрасить — использовать — выбросить»). Эти стандартные последовательности действий в когнитивной теории называются «сценариями» — когнитивными структурами, в которых фиксируется опыт человека, его знания о действительности.

Заключая обсуждение видов переинтерпретации, подчеркнем, что их следствием является комплекс экспрессивных характеристик (образность, эмотивность, стилистическая окрашенность и пр.), обычно связываемых с идиомами. Более того, в традиционной фразеологии экспрессивные характеристики рассматриваются как важнейший критерий включения фразеологизма в класс идиом. В нашем понимании это часто вторичный признак — следствие переинтерпретации.

1.1.2. Рассмотрим теперь категорию непрозрачности. Хотя во многих случаях непрозрачность и переинтерпретация не исключают друг друга и выступают одновременно, при выбранной логике изложения естественно категорию непрозрачности рассмотреть отдельно. Как было сказано ранее, непрозрачность связана либо с отсутствием стандартных правил вывода, либо с отсутствием в словаре данного языка одного или нескольких компонентов идиомы. Ниже рассматриваются три вида непрозрачности. Первые два сводимы к отсутствию стандартных правил вывода, а последний объясняется наличием уникальных компонентов.

1.1.2.1. Непрозрачность выводимости: $a_1 \& 'a_1' + \dots + a_n \& 'a_n' \rightarrow A = (a_1, \dots, a_n) \& 'A' = F('a_1', \dots, 'a_n')$. Непрозрачность выводимости обычно описывалась в других терминах как неаддитив-

ность сложения смыслов (ср. [Мельчук 1960; 1968], где неаддитивность сложения смыслов приравнивается к идиоматичности). Разумеется, непрозрачность выводимости относится далеко не ко всем случаям неаддитивного сложения смыслов. Дело в том, что формирование семантики большинства языковых выражений требует неаддитивных правил сочетаемости значений слов, составляющих эти выражения; см. [Балли 1955; Щерба 1974; Гак 1972; Апресян 1995б]. Тем самым непрозрачность выводимости относится только к нестандартным правилам сочетания значений слов. Часто идиоматичность связывается именно с этим типом непрозрачности.

В схеме нестандартному правилу соответствует функция **F** от нескольких аргументов — смыслов $\langle a_1, \dots, a_n \rangle$. Понятно, что это некоторое огрубление, поскольку правил может быть несколько и в сфере действия функции (области отправления) могут оказаться не все, а лишь некоторые элементы. Однако в контексте данного исследования это несущественно.

В упоминавшейся выше концепции Мельчука идиоматичными признаются только такие выражения, компонентам которых никоим образом нельзя приписать самостоятельные значения. Так, фразеологизм *не видно ни зги* объявляется неидиоматичным, поскольку компоненту *зги* может быть приписано какое-то самостоятельное значение; ср. [Мельчук 1968: 54]. Дело, однако, в том, что выражение *не видно ни зги*, действительно, можно было бы считать коллокацией, но не из-за «технической» самостоятельности слова *зги*, а из-за семантической регулярности сочетания *не видно* при нестандартном способе выражения смысла Magn. Однако *не видно ни зги* целесообразнее считать идиомой, поскольку лексическая функция Magn от *не видно* выражена в этом фразеологизме не одним словом, а словосочетанием — *ни зги*. Строго говоря, собственно идиомой является здесь *ни зги*. Последнее определяется тем, что *ни* модифицирует в *ни зги* лексическую единицу, не имеющую в современном русском языке самостоятельного значения.

Понятно, что непрозрачность выводимости — типичное следствие переинтерпретации. Весьма часто переинтерпретация осуществляется по уникальным правилам. Так, идиома *брать быка за рога*, приводившаяся ранее в качестве иллюстрации переинтерпретации в точном смысле (см. 1.1.1.1), одновременно служит примером непрозрачности выводимости, поскольку можно считать, что нет стандартных правил, позволяющих вывести актуальное значение выражения по значе-

ниям составляющих. Заметим, что переинтерпретированные выражения далеко не всегда обладают свойством непрозрачности. В целом ряде случаев для «вычисления» актуального значения могут быть привлечены знания об имплицатурах дискурса и о типичных метафорических моделях типа Жизнь — это игра, Событие — это движение, Жизнь — это путь, Решение проблемы — это путь и т. п. В этом смысле выражения *стоять на пути* (у кого-л.), *пойти каким-л. путем* оказываются переинтерпретированными, но прозрачными. Характер влияния таких правил на степень идиоматичности (в аспекте непрозрачности) результирующего выражения требует дополнительного обсуждения (см. ниже).

Непрозрачность выводимости представляет собой самостоятельный фактор идиоматичности, хотя и тесно связанный с переинтерпретацией. Иными словами, если в результате переинтерпретации возникает мотивированная единица, то говорить о непрозрачности нет оснований (ср. такие семантически мотивированные выражения, как *потерять голову*, *выжить из ума*, *испустить дух*, *проводить в последний путь*). Если же в результате переинтерпретации возникает немотивированное выражение, естественно считать, что реализуется дополнительный фактор идиоматичности — непрозрачность (например, *дать дуба*, *шнурки в стакане*, *выставить кеды*, *груз 200*, *принять на грудь*).

1.1.2.2. Непрозрачность редуцированной формы: $A = \{a_n\} \rightarrow B = \{a_k\}$, где $\{a_k\} \subset \{a_n\}$, то есть $\{a_k\}$ является строгим подмножеством $\{a_n\}$ ⁹. Данный вид непрозрачности характеризуется тем, что какое-то полное и вполне прозрачное выражение редуцируется до его отдельных фрагментов. Пропущенные составляющие семантически, однако, не исчезают, и тем самым при понимании данного выражения требуются какие-то дополнительные когнитивные операции по сравнению со стандартом. Это приводит к непрозрачности и одновременно усложняет способ указания на денотат (см. 1.1.3).

Очень часто идиоматичность данного типа возникает из-за усечения полной формы устойчивого выражения. Так, идиома *пуститься во все тяжкие* образована в результате редукции более полного выражения *пуститься во все тяжкие грехи*. В полной форме это выраже-

⁹ В этой схеме (и ниже) используется аппарат теории множеств. Иными словами, обозначение $\{a_n\}$ соответствует множеству элементов мощностью n .

ние практически никогда не употребляется. Идиома *себе дороже* образована в результате опущения глагольного компонента словосочетания, которое можно реконструировать как *себе дороже обойдется/будет/встанет*. Ср. также сходные случаи *все путем* (от чего-то вроде *все идет правильным путем*), *на все сто* (от *на все сто процентов*). Если в качестве исходного словосочетания выступает идиома, то при усечении идиоматичность выражения усиливается, ср. идиому *по полной*, возникшую на основе выражения *по полной программе*.

К данному случаю примыкают примеры идиом, которые по сути представляют собой пропозициональные формы с опущенными обязательными валентностями. Восстановление последних и заполнение их актантами приводит к потере идиоматичности. Например, сложный союз как *только X, (так) сразу Y* во фразах типа **Как только** уважаемый гость из дальнего зарубежья приезжает в Россию, его **сразу** кормят-поят и куда-нибудь ведут или везут (Московский комсомолец) переходит в устойчивое выражение *как только так сразу*; ср. (1).

- (1) **а.** в принципе я согласен, что парламентарии такой великой страны, как наша, должны иметь не меньше, чем британские лорды или американские сенаторы. И пусть имеют — но не сегодня, а на следующий день. На следующий день после того, как российский избиратель догонит по зарплате американского. **Как только — так сразу!** (Московский комсомолец); **б.** Ой толкового Президента мы в этот раз поймали. Он ведь **как только, так сразу** и сообразил — в России надо менять инвестиционный климат [Корпус Публ.].

Ср. также аналогичные фразеологизмы от $X \text{ до } Y \rightarrow \text{от и до}$ (*Я пытался придумать, как бы привлечь ее внимание, и в то же время прикидывал, как это я с ней проживу всю жизнь — от и до!* [Корпус РусПроз.]), *подумать только об X \rightarrow подумать только!* (*— Вы это слышали? Наша Сарочка вышла замуж за портного. — Подумать только! Теперь будет богатой женщиной* [Корпус РусПроз.]).

1.1.2.3. Компонентная непрозрачность: $A = (a_1, \dots, a_k, \dots, a_n)$, при том что $a_k \notin D$, где D — словарь данного языка. Суть другого типа непрозрачности — компонентной непрозрачности — заключается в том, что в выражении присутствуют лексические элементы, которые не фиксированы в словаре. Если считать, что компонентная непрозрачность — вид идиоматичности, выражения типа *не видно ни зги* следует считать идиоматичными. Заметим, что с точки зрения компо-

нентной непрозрачности и словосочетания типа *заклятый враг*, *расквасить нос* идиоматичны (ср. их противоположную интерпретацию И. А. Мельчуком [Мельчук 1968]). Другой вопрос, являются ли эти сочетания идиомами. Ниже мы вернемся к этой проблеме. Предлагаемая в ряде исследований (см. [Weinreich 1966; 1969; Мельчук 1968]) интерпретация идиоматичности только как нестандартности правил сложения смыслов не отвечает естественному пониманию этой категории, поскольку непрозрачные (в одном из пониманий) сочетания слов, которые с естественной точки зрения явно идиоматичны, при таком описании выпадают из этой сферы. В частности, такими единицами оказываются выражения *семо и овамо*, *ничтоже сумняшеся*, англ. *dribs and drabs, tweedledum and tweedledee*, нем. *Krethi und Plethi, Lug und Trug, in Saus und Braus*, нидерл. *tegen heug en meug, met hutje en mutje* (в терминологии У. Вейнрейха — псевдоидиомы).

Разумеется, за фактом «несловарности» компонента¹⁰ стоят различные причины, определяющие степень непрозрачности. Так, словоформа *лясы* в идиоме *точить лясы* абсолютно непрозрачна, в то время как словоформа *путеводная* в идиомах *путеводная звезда* и *путеводная нить* непрозрачна по основанию нефиксированности в слове, но выводима благодаря семантической мотивированности (ср. 1.1.2.1)¹¹. Таким образом, степень непрозрачности уникального компонента может быть различна. Ср. также такие выражения, как нем. (*jmdm.*) *die Leviten lesen, einen Rochus haben (auf jmdn.), sein Scherflein beitragen (zu etw.)*, с одной стороны, и *den Drehwurm haben, (jmdm.) reißt der Geduldsfaden, ins Fettnäpchen treten* — с другой. Важно, что этот фактор не влияет на отнесение выражения к идиомам или коллокациям (подробнее см. ниже). Так, устойчивые словосочетания *грецкий орех*, *заклятый враг*, *проливной дождь* вряд ли разумно относить

¹⁰ Понятно, что под словарем в данном случае имеется в виду ментальный лексикон, а не реальные справочные издания. В последних соответствующие словарные статьи часто появляются, но в них указывается на уникальность данного элемента — на его сочетаемость с конкретным словом. Так, в Малом академическом словаре [МАС] в словарной статье на слово *преткновение* сразу дается отсылка к идиоме *камень преткновения*.

¹¹ В МАСе у слова *путеводный* выделяются значения 'указывающий путь, направление, ведущий куда-л., к чему-л.', 'направляющий, руководящий'. Судя по приводимым примерам, это устаревшие значения, отсутствующие в современном языке.

к идиомам, но вовсе не потому, что корневые морфемы уникальных компонентов сами по себе не уникальны и встречаются в других словах русского языка. Так же устроены уникальные компоненты в выражениях типа *подколотная змея* и *путеводная нить*, которые, однако, являются идиомами. Морфемы этих выражений не уникальны, но сами словосочетания переинтерпретированы. Ср. также выражения *закадычный друг* и *заклятый враг*. При том что степень компонентной непрозрачности первого из них выше, чем второго, они оба относятся к классу коллокаций. Иными словами, фактор степени непрозрачности влияет исключительно на степень мотивированности фразеологизма.

В группе выражений с компонентной непрозрачностью оказываются не только словосочетания с уникальными компонентами, возникшими историческим путем в результате естественного развития языка, но и выражения с нестандартными морфологическими образованиями типа *на полном серьезе* (*Один из местных «вероучителей» на полном серьезе доказывал, что «в Коране записано», будто бы чеченцы произошли от ветхозаветного Ноя* [Корпус Публ.]), *по утрянке/утряку* (*Сегодня по утряку никак встать не мог, голова как бревно. Подлечился остатками портвейна — только после этого стал предметы различать* [Корпус РусПроз.]).

1.1.3. Перейдем к обсуждению третьего фактора идиоматичности — усложнению способа указания на денотат.

Усложнение способа указания на денотат проявляется в двух вариантах: в расширении формы и в ее редукции. Как расширение формы, так и ее редукция, приводящие к различного рода семантическим и прагматическим эффектам, являются одним из типичных проявлений функционирования языковой системы, соотносимых с поэтической функцией языка (в смысле Р. Jakobsona)¹². Они также являются важнейшей частью феномена языковой игры.

Изменение формы, среди прочего, проявляется в том, что стандартная номинация (дескрипция) заменяется нестандартной. Говоря об усложнении дескрипции (усложнении способа указания) в целом, уместно вспомнить известный пример Г. Фреге, иллюстрирующий понятие дескрипции — использование выражений *утренняя звезда* и *вечерняя*

¹² Ср. также категорию «остранения», по В. Шкловскому [Шкловский 1919].